

## ВИДОВАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ РУССКОГО ГЛАГОЛА В ОБЕСПЕЧЕНИИ РЕЦЕПТИВНОЙ И ПРОДУКТИВНОЙ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

© 2015 г. И. Г. Милославский

В статье утверждается, что видовая принадлежность русских глаголов отражает однозначно лишь устройство их парадигм и их сочетаемостные свойства. При этом семантическая характеристика “однократность” и “результативность”, непременно представленная у глаголов совершенного вида, никогда не представлена у глаголов несовершенного вида, а все остальные характеристики глагольного действия могут быть представлены у глаголов обоих видов.

Ставя задачу обеспечения рецептивных и продуктивных речевых действий, автор утверждает примат семантических характеристик, правила сложения которых внутри слова, в предложении и в высказывании далеко не всегда следуют правилу  $1 + 1 = 2$ , но допускают  $1 + 1 = 1$  и  $1 + 1 = 3$ . При этом видовая принадлежность глагола имеет весьма ограниченную ценность как для рецепции, так и для продукции.

The present article discussed the problem of the Russian verbal aspect. Consideration was given to the perfective and imperfective verbs as features which demonstrate that different are only the paradigm and collocations. The differences between these two types are not so simple from the semantic standpoint. Such semantic characteristics as “one time” or “result” always are characteristic of the perfective verbs and never occur in the imperfective ones, all other features of the aspect being characteristic of the verbs of both types.

For all forms of the speech activities, the semantic one is the most important. However, the semantic values combine not only according to the rule  $1 + 1 = 2$ , but also  $1 + 1 = 1$  and  $1 + 1 = 3$ . This happens in many words, sentences, and texts, and is extremely important in the field of aspect where the two aforementioned rules act very often, but perfectness or imperfectness of the verbs are of rather limited value.

*Ключевые слова:* вид глагола, семантика, словообразование, сочетаемость, речевая деятельность.

*Key words:* aspect of verb, semantics, word-formation, collocation, speech activities.

### 1. Постановка вопроса

Необозримая по объему литература по русской и славянской аспектологии демонстрирует отсутствие фундаментальных положений, принимаемых в научном сообществе за истинные, а не просто освященных авторитетами, покойными и здравствующими [1, 406–416]. Именно неоглядность “точек зрения” и внутренняя противоречивость “концепций”, как кажется, делает абсолютно бесперспективными не только личностную полемику, но дискуссии о том, что есть видовая пара (чего с чем?), видовое значение, чистое и нечистое (?), частные видовые значения (сколько их, откуда и как они возникают?) и т.п. [ср. 2].

Видимо, стоит подойти к вопросу совсем с другой стороны, а именно не с позиций теоретических классификаций (глагольных лексем и словоформ, их морфного состава, предложений или ситуаций (?) с глагольными словоформами), но с позиций, которые позволяют решить вполне

конкретные практические задачи. При этом *конкретный* и *практический* в данном случае имеют не столько самодовлеющую, сколько фундаментальную научную ценность. Речь идет о такой фундаментальной концепции, которая позволяет осмыслить тот вклад, который аспектология вносит в решение двух важнейших задач науки о русском языке. В задачу адекватного понимания представленного на русском языке текста и в задачу создания такого русского текста, который точно и полно соответствует замыслу автора, не нарушая при этом правил русского языка.

### 2. О чем однозначно сообщает принадлежность глагола к совершенному или несовершенному виду

Очевидно, что принадлежность глагола к совершенному виду означает, во-первых, отсутствие в его парадигме форм настоящего времени, личных и причастных (*построить* – *построю*, *постро-*

ил – *построивший*). Глаголы несовершенного вида не имеют такого изъяна в своей парадигме. У них есть все три времени для форм личных (*строить – строю, стоил, буду строить*) и две, настоящего и прошедшего, для форм причастных ( *строящий и строивший*). (Оставляю в стороне вопрос о составе глагольной парадигмы, регулируемый возможностью противопоставления по залогу).

Во-вторых, глаголы совершенного вида не могут сочетаться с т.н. фазовыми глаголами (*начать, кончить, продолжать* и т.п.), с показателями регулярной повторяемости (*систематически, каждый год, по четвергам* и т.п.), с “отрицательными рекомендациями” (*не советую, не стоит, разлюбил* и т.п.). Глаголы несовершенного вида лишены таких универсальных сочетаемостных ограничений, их сочетаемость, как и вся иная сочетаемость глаголов совершенного вида, определяется более конкретными характеристиками соответствующих лексических групп, а также самого глагола. Столь ясные различия в устройстве парадигмы и сочетаемости, будучи характеристиками именно **слов**, не дают бесспорных оснований для заключений о семантическом различии между глаголами обоих видов, т.е. об отражаемой словами **реальности**.

Парадигмы многих существительных тоже могут быть устроены по-разному. У одних есть формы обоих чисел (*стол, стена, окно*), у других – лишь формы множественного числа (*сани, опилки, пряталки*), у третьих – лишь формы единственного числа (*совесть, профессура, картофель*), у четвертых – вообще отсутствуют словоизменяемые формы (*пальто, такси, какаду*). Среди прилагательных тоже есть неизменяемые (*беж, авиа, нетто*), есть имеющие и полные, и краткие формы (*старый, глупый, толстый*), есть имеющие только полные формы (*каменный, университетский, голубой*), а есть имеющие только краткие (*рад, горазд, должен*). Однако этими различиями не определяются прямо и объемно какие-либо семантические характеристики имен. Устройство парадигмы вполне самостоятельный и часто совершенно независимый параметр, характеризующий именную лексику.

Для решения той задачи, как она поставлена выше, устройство парадигмы, конечно же, имеет некоторое значение. Однако это значение отнюдь не фундаментальное, оно явно уступает по важности семантической стороне дела. Более того, в уяснении самой этой семантической стороны прогресс осуществляется вполне самостоятельно,

а вовсе не в рамках, задаваемых парадигматическим устройством.

То же самое в полной мере относится и к сочетаемости. Здесь весьма показательна эволюция взглядов академика Ю.Д. Апресяна, который в [3] предпринял попытку достаточно жестко связать семантические свойства глаголов и их сочетаемость. В последних лексикографических публикациях [4, 5] автор принципиально и последовательно различает значение и сочетаемость как относительно независимые и принципиально разномерные параметры, характеризующие языковые единицы [6].

Применительно к русскому глагольному виду все вышесказанное означает необходимость абсолютно самостоятельного рассмотрения семантической стороны видового противопоставления. Без оглядки на согласно друг с другом формирующие такое противопоставление парадигматическое устройство и сочетаемостные ограничения. Повторю еще раз. Парадигматическое устройство и сочетаемостные возможности – это свойства самих соответствующих языковых знаков, а отнюдь не характеристика отражаемой ими действительности.

### 3. Каковы семантические проявления глаголов, относящихся к разным видам?

Теоретически крайне маловероятно ожидать, что существует полный параллелизм между однозначными парадигматическими и сочетаемостными различиями, с одной стороны, и такой же последовательной и однозначной семантической характеристикой, с другой стороны. Так оно и есть на самом деле.

Глаголы совершенного вида, непроеизводные и производные от глаголов несовершенного вида, реализуют два семантических различия. Первый – это однократность, когда действие представлено как точка, т.е. такое, начало и конец которого совпадают (*поцеловать, посетить, толкнуть* и т.п.). Вариантом именно однократности выступает действие, представленное как строго ограниченный с обеих сторон отрезок – *поговорить* (“1 раз” в течение ограниченного времени), *проплакать (всю ночь)* и т.п. Второй – это результативность, когда действие представлено как отрезок, ограниченный конечной точкой, т.е. такой точкой, после которой действие не может продолжаться в силу своей внутренней исчерпанности (*построить, написать, выучить* и т.п.). Не следует называть такое действие законченным, поскольку тогда за-

тушевывается именно внутренняя его законченность, а не законченность, произошедшая в силу причин внешних. Существенно, что результативный глагол оставляет открытыми вопросы о том, сколь долгим был путь к результату, был ли путь безостановочным и если нет, то сколь долгими и частыми были эти остановки. Вся эта информация остается за кадром. Нетрудно видеть, что в некоторых глаголах обе эти характеристики представлены как возможные: *выбрать* (сразу или после некоторого перебирания?), *выпить* (одним глотком или в несколько приемов?), *подвинуть* (одним движением или несколькими?) и т.п. Различия между однократностью и результативностью можно показать на многих примерах: *звонить* – *позвонить* – *дозвониться*, *есть* – *поесть* – *наесться*, *глядеть* – *поглядеть*, *глянуть* – *разглядеть* и т.п.

И однократность, и результативность могут выступать только в глаголах совершенного вида, эти характеристики никогда не представлены у глаголов несовершенного вида. Это важное обстоятельство обусловлено семантическим содержанием почти всех русских глагольных приставок. Дело в том, что обычно показатели однократности представлены в суффиксе – *ну* – (*толкнуть*, *свистнуть*, *крикнуть* и т.п.) или разнообразных префиксах (*поцеловать*, *сглотнуть*, *уколоть* и т.п.), а показатели результативности – только в префиксах (*построить*, *написать*, *вымыть* и т.п.). Уклонимся от обсуждения вопроса о морфной локализации однократности и результативности в глаголах с инфинитивом на – *ить* (*убить*, *купить*, *решить*, *навестить* и т.п.).

Однако русские глагольные приставки, выражающие иные, кроме однократности и результативности, значения (фазовые, дополнительные по отношению к другому действию, пространственные и иные) непременно содержат в своей семантике также и указания на однократность/результативность [7, т. I, с. 355–374]. Например, *петь* – *запеть* (“начинательность” + “однократность”), *строить* – *перестроить* (“иначе, по-другому” + “результативность”), *платить* – *доплатить* (“дополнительность” + “однократность/результативность”) и т.п. Механизм для удаления нежелательной информации о наличии однократности и результативности получил название имперфективации: *запеть* – *запевать*, *перестроить* – *перестраивать*, *доплатить* – *доплачивать* и т.п. В основе номинации этого механизма лежит идея преобразования глагола совершенного вида в глагол несовершенного вида, что, конечно же, имеет место. Однако такое именование затушевывает нетривиальный и более важный семан-

тический процесс зачеркивания некоторых семантических характеристик. Немногочисленные исключения из обозначенной выше двусемности приставок хорошо известны (приставка *со* – со значением “совместности”, *пред* – со значением “заранее”, некоторые иноязычные приставки).

Таким образом, можно утверждать, что принадлежность глагола к совершенному или несовершенному виду довольно скупо информирует нас о семантических характеристиках глагола. Совершенный вид – это непременно “однократность” и/или “результативность”, несовершенный – непременно отсутствие этих двух характеристик. В то же время любые другие характеристики глагольного действия могут быть представлены у глаголов обоих видов. (Не составляет исключения и “многократность” в редких случаях типа *сизживал*, *говаривал*, *куривал*, по определению невозможная у глаголов совершенного вида).

#### 4. Видовое различие никогда не различает формы слова, но сообщает о словообразовательных отношениях

Итак, с видовым противопоставлением непременно и однозначно соотносятся парадигматические и сочетаемостные различия, а также непременно, хотя и весьма неоднозначно, различия семантические. Регулярность или нерегулярность реализации семантических различий, как известно, противопоставляет формы слов (число существительных; время, наклонение глаголов) самостоятельным лексемам. Последние могут реализовать однородные семантические отношения лишь в пределах отдельных групп. Неопределенность таких групп, фактическое отсутствие ожидаемых образований – вот сущностные черты словообразовательных отношений [8]. Именно здесь кроется причина того, что любое слово, вступающее именно в словообразовательные отношения с другим, требует для себя специальной словарной статьи. В отличие от формы слова, такой статьи не заслуживающей, поскольку ее семантические отношения со словарной формой носят регулярный характер, подчиняются достаточно строгим правилам, предполагают отсутствие незаполненных клеток. Только сочетаемостные различия, лишенные в контекстном вакууме семантического наполнения, также образуют формы слова. А сами эти асемантические по своей природе различия в определенных ограниченных условиях получают и собственное семантическое наполнение (беспредложный падеж существи-

тельного, формы прилагательных с существительными общего рода или неизменяемыми и др.).

Из этих, ныне общепринятых, границ между словоизменением и словообразованием непременно вытекает словообразовательный характер отношений между глаголами, различающимися видовой принадлежностью. Могу лишь добавить, что в одноязычных русских и русско-иноязычных словарях пометы *сов.* и *несов.* стоило бы упразднить, заменив первую в толковании на “однократность” и/или “результативность”. Отсутствие таких семантических характеристик по умолчанию обозначало бы принадлежность глагола к несовершенному виду. Экспликация в толкованиях всех семантических модификаций глагола, а не только тех, которые более или менее явно связаны с совершенным видом, повысило бы качество этих источников, предназначенных для обеспечения рецептивных речевых действий на русском языке.

### 5. Вид глагола и рецептивная речевая деятельность

Одно из главных требований к обеспечению рецептивной речевой деятельности – это требование к грамматике и лексике пользоваться одним и тем же языком. Или иначе, требование привести грамматику и лексику к общему знаменателю. Формулировка “сложение лексического значения со значением вида” здесь абсолютно неприемлема. В худшем случае она предлагает складывать литры с километрами, а в лучшем оставляет второе слагаемое – вид – весьма неопределенным.

Бесспорно, что “однократность” и/или “результативность”, проводящие черту между совершенным и несовершенным видом, могут получить и гиперонимическое обобщенное наименование. Такое же, например, как “фазовость” для “начинательности” (*заговорить, поехать*) и “завершительности” (*отзвонить, отмучиться*) или “направленность” для *сбросить, подбросить, перебросить* и т.п. Устанавливая через гиперонимизацию параллелизм между инвариантной видовой семантикой, с одной стороны, парадигматическим устройством и сочетаемостными свойствами глаголов разных видов, с другой, исследователь предлагал в таком случае построения весьма привлекательные благодаря своей простоте и даже изяществу.

Однако для решения той задачи, как она поставлена, такое обращение к гиперонимам приводит, во-первых, к неоправданному увеличению

масштаба одной из складываемых единиц (грамматической) по сравнению с другими (лексическими). И во-вторых, означает заранее потерянную степень точности семантизации. Очевидно, что каждой из этих причин вполне достаточно для того, чтобы категорически отказаться от идеи гиперонимизации, столь многих соблазнившей в первой половине прошлого века.

Напомню описанные выше соображения о том, что при сложении значимых единиц внутри глагольного слова  $1 + 1$  не всегда  $= 2$ , но может быть  $< 2$ . Причем это происходит не только в области т.н. имперфективации с двусемными глагольными приставками. С таким же явлением мы сталкиваемся и в случае т.н. вторичной имперфективации (*кроить – выкроить – выкраивать, просить – упросить – упрашивать, жевать – разжевать – разжевывать* и т.п.), когда суффикс полностью зачеркивает значение “результата” в приставке, возвращая глагол в конце концов туда же, где он был и до префиксации по параметру “результат”, по-видимому, сохраняя во вторичном формально производном лишь “нацеленность на результат”.

Подобные же принципиальные отклонения от арифметических правил сложения происходят не только внутри слов, где могут сопоставляться единицы со значениями, противоречащими друг другу (см. выше) и дублирующими друг друга (*жалостливость, уголечек*). Особенно много таких проявлений в интересующей нас области. Приведу примеры: *крикнуть один раз* (двойное обозначение однократности), *выстрелить несколько раз* (однократность в глаголе зачеркивается), *посетить музеи и выставки* (однократность зачеркивается), *прочитал не до конца* (результативность зачеркивается) [9, с. 112–123].

Итак, в процессе рецептивной речевой деятельности на русском языке следует складывать не “вид”, совершенный или несовершенный, но те, и только те семантические признаки, которые имеются в глаголе. При этом в качестве нетривиальных случаев сложения выступает не только зачеркивание некоторых сем, но и кумулятивный эффект, когда  $1 + 1 = 3$ . Речь идет о таких семантических “приращениях”, которые хорошо известны, однако их едва ли следует интерпретировать как следствие видовой принадлежности. Например, *Петя влюбился* обозначает “однократное вхождение в некоторое состояние” (Ср. *Петя полюбил*). При этом существование или несуществование в настоящий момент этого состояния неизвестно. Эта неопределенность может преодолеваться контекстом: *Когда Пете было десять лет, он впервые влюбился* (вероятнее,

что сейчас – “нет”), *Петя влюбился и теперь не спит по ночам* (сейчас – “да” за счет *теперь*). Или *Мальчик читал* – может обозначать и самый факт и умение. Разные контексты могут и преодолевать и не преодолевать эту неопределенность (*Мальчик читал по слогам* и *Мальчик каждый день читал* – *Мальчик уже читал и решал задачи на проценты*). Неразличение в той же форме значений “вообще” и “в данный момент” также дифференцируется благодаря некоторым контекстам, но не всякому контексту (Ср. *Когда я вошел, мальчик читал* – *Мальчик читал английских авторов* – *Мальчик читал роман Булгакова*). [10, с. 175–213]

Добавлю, что подобные “приращения” встречаются и в форме имен: *Машин! Народу!* (“много”) – *Карету (мне)! Хрусталева, машину!* (“дайте!”) – *Цветов! Свечей и фонарей!* (не совсем ясно без интонации или более широкого контекста “много” или “дайте”).

Короче говоря, при семантизации словосочетаний и предложений, включающих глаголы разных видов, не следует апеллировать к видовой принадлежности, которая только затемняет суть дела, но можно пользоваться обычными правилами сложения смыслов. Например, таким, по которому некоторые общие характеристики ситуации могут вовсе отменять дальнейшие частные характеристики. Например, *Он такой, никогда ничего не скажет* (будущее время конкретного действия не имеет самостоятельной ценности в контексте обобщенной характеристики) или *Дело было в 1812 году. Приезжает Кутузов в армию* (настоящее время не имеет самостоятельной ценности в контексте, который указывает точную дату в прошлом).

Разумеется, на решение нашей задачи существенное влияние оказывают формально не представленные знания собеседников о конкретной ситуации и о жизни вообще. Например, *покупать соль (спички, сигареты)* вероятнее всего обозначает “результат”, а *покупать квартиру (дом, дачу)* едва ли сообщает о действии результативном; *Зимний дворец строил Растрелли* обозначает, конечно же, результат, кроме текстов, посвященных жизни Растрелли или истории дворцов и их строительства.

Возвращаясь к проблеме видовой принадлежности, можно утверждать, что не охарактеризованные по результативности или однократности действия либо так и остаются неопределенными в этих аспектах, либо приобретают соответствующие характеристики именно за счет формально выраженных (*часто, один раз, иногда, успешно, то и дело, время от времени* и т.п.) и не выражен-

ных элементов, существующих в предложении и тексте [11, с. 432–451]. Принципиально также, как обозначенные существительными предметы приобретают дополнительные характеристики за счет определяющих их прилагательных. Или за счет модификационной деривации этих существительных. А не за счет родовой принадлежности или парадигматического устройства этих существительных, предопределяющих некий набор значений, якобы имеющихся у этих существительных именно благодаря названным выше свойствам.

Существует, однако, один-единственный случай, когда, решая поставленную задачу, мы должны обратиться к видовой принадлежности глагола. Речь идет о личных формах неперфектного времени, которые у глаголов совершенного вида обозначают будущее, а у глаголов несовершенного вида – настоящее. Других случаев, когда вид глагола требуется для успеха рецептивной речевой деятельности на русском языке, не существует.

## 6. Вид глагола и продуктивная речевая деятельность

Напомню, что в процессе продуктивных речевых действий говорящий/пишущий никогда не имеет целью употребление каких-либо грамматических характеристик (исключение – учебные тренировочные занятия). Цель производителя речи – выразить некоторое заданное содержание, соблюдая при этом существующие в русском языке правила.

### 6.1. Семантическая модификация глагола

Очевидно, что типовой задачей, решаемой производителем речи, является прибавление к неохарактеризованному глаголу определенной модификационной характеристики. Иными словами, такая модификация, которая, по мнению говорящего/пишущего позволит ему наиболее точно отразить соответствующий фрагмент действительности (А не отдать дань парадигматическим и/или синтагматическим свойствам соответствующего слова!) Например, имеется глагол, не чуждый идее результата. Требуется образовать от него другой глагол, отличающийся от данного наличием семы “результативность”. Решением этой задачи для *писать* будет *написать*, а для *читать* – *прочитать*, для *учить* – *выучить* (язык) или *научить* (ребенка), для *звонить* (по телефону) – *дозвониться*, для *просить* – *упросить* (кого)

и *выпросить (что)* и т.д. и т.п. Как и в любых других случаях словообразовательных отношений (см. выше), набор формальных средств, воплощающих семантику “результативности”, настолько многообразен, что не может быть подведен под какое-либо последовательное правило<sup>1</sup>. В отличие от множества других модификаций (см. ниже) “результативность” не имеет для своего воплощения лексических средств, сколько-нибудь органично соединяющихся с модифицируемыми глаголами. *Успешно, результативно* и т.п. наречия и наречные выражения очень коряво называют по-русски то, что так легко и органично выражается соответствующими префиксами.

Другой важный модификационный параметр “однократность” также выражается внутри глагольного слова. С помощью суффикса –*ну* – в таких, например, случаях, как *толкать – толкнуть, кричать – крикнуть, блеснуть – блеснуть* и др. При этом однократность может выражаться и с помощью разнообразных префиксов: *звонить – позвонить, красть – украсть, жать – нажать (на кнопку)* и др. Даже не добавляя к этому соотношений типа *посещать – посетить, навещать – навестить, глотать – проглотить* и т.п., следует признать, что и здесь не просматривается никаких правил, регулирующих выбор средств для образования глаголов, противопоставленных по параметру “кратность”, т.е. “однократность” – “кратность неизвестна”.

Впрочем в отличие от результативности однократность (как и многократность) относительно легко присоединяется как к глаголам, ничего не сообщающим о кратности, так и однократным с помощью лексических показателей: *один раз (посещал, навещал, кричал, звонил, целовал – посетил, навестил, прокричал, позвонил, поцеловал)* и *несколько (много) раз, дважды, трижды (посещал, навещал, кричал – посетил, навестил, крикнул и мн. др.)*.

Подчеркну еще раз, что лексические показатели однократности могут и дублироваться таким же семантическим показателем в глаголе (*один раз крикнул*) и вступать в прямое противоречие с показателем в глаголе (*трижды крикнул*), по-

беждая последний. Это обстоятельство еще одно проявление относительной независимости сочетаемостных возможностей глаголов и их семантических характеристик.

Все остальные семантические модификации глаголов, если эти модификации выражаются с помощью приставок, влекут за собой неизбежно либо “результативность”, либо “однократность”. Это касается и значений фазовости (начало, охват определенного промежутка, конец и т.п.), интенсивности (ослабленной или усиленной), различной направленности (приближение, удаление, соединение, разъединение, внутрь, наружу, с предмета на предмет, через предмет и т.п.) и др. При этом сами эти общие значения могут комбинироваться между собой, а также, в частности, дублировать или опровергать такие же значения, представленные в производящем глаголе. Иными словами, стратегия говорящего, а особенно пишущего, должна состоять, во-первых, в поиске того семантического модификационного компонента, который представляется в данном случае необходимым, и, во-вторых, в нахождении того формального средства, которое выразит именно это заданное значение. Даже если закрыть глаза на то неизбежное при словообразовании обстоятельство, что многих теоретически возможных производных глаголов вообще нет в русском языке, совершенно очевидно, что вся сознательная работа по такому двойному выбору может осуществляться исключительно с помощью словарей. Более того. Ни словообразовательный словарь, ни словарь синонимов не могут обеспечить успех такой работы, поскольку в первом вообще отсутствует семантизация, а во втором – синонимические ряды обычно не включают в себя модифицированные глаголы, не без оснований не включаемые в соответствующий синонимический ряд.

Впрочем, есть и еще одна общая закономерность, которую следует иметь в виду при продуктивных речевых действиях. Речь идет о возможности образования от уже семантически модифицированного глагола, содержащего некую сему *X* + сема “однократность” и/или “результативность”, другого глагола, в котором эта вторая сема окажется аннулированной, зачеркнутой: *жарить – обжарить – обжаривать, звонить – перезвонить – перезванивать, греть – перегреть – перегревать, ждать – подождать – подждать, лечить – долечить – долечивать* и мн. др. (см. выше). Напомню еще раз, что такому же аннулированию, зачеркиванию нередко могут подвергаться семы “однократности” и “результативности”, даже когда они являются и

<sup>1</sup> В последние годы некоторые отечественные авторы стали говорить о т.н. законе Вея – Схонефельдта [1, с. 413–414], по которому в русском языке семантика производящего якобы предопределяет форму для выражения заданной семантической модификации. К сожалению, в этом случае за закон выдаются лишь отдельные специально подобранные примеры (*написать, нарисовать, начертить* и т.д.) и игнорируется огромное количество фактов, не укладывающихся в такой “закон”. Соответствующие факты хорошо известны преподавателям русского языка как иностранного [12].

единственным модифицирующим компонентом: *чистить* – *очистить* – *очищать*, *менять* – *обменять* – *обменивать*, *мести* – *подмести* – *подметать*, *кроить* – *выкроить* – *выкраивать* и мн. др. Все эти семантические преобразования, как и другие, отмеченные выше проявления словообразовательных отношений, также характеризуются нерегулярностью реализации и непоследовательностью в выборе соответствующих формальных средств. Все это также делает соответствующие процедуры исключительно достоянием словаря.

В заключение об одном утешительном для продукции приеме. Речь, как и выше в случае с “однократностью”, идет о возможностях выражения соответствующих модификаций лексическими средствами. Например, для выражения модификации по “начинательности” возможно употребление *начать* (1 раз) – *начинать* (сколько раз – неизвестно); *начать болеть* – *заболеть*, *начинать болеть* – *заболевать*; *начать говорить* – *заговорить*, *начинать говорить* – *заговаривать*; *начать кричать* – *закричать*, *начинать кричать* – (\* *закрикивать* невозможно). Для обозначения “начинательности” + “интенсивность” – *сильно* и его синонимы (*перепугать* ≈ *сильно испугать*, *разволноваться* ≈ *сильно взволноваться* и т.п.). Ср. также *сбросить* ≈ *бросить сверху вниз*, *перестроить* ≈ *построить по-другому*, *перезвонить* ≈ *позвонить еще раз*, *прогуляться* ≈ *немного погулять* и т.п.

## 6.2. Ограничения в развертывании предложения

Проводя семантические модификации исходных глаголов, добавляя к производящим только значения “однократности” и/или “результативности”, любые другие значения вместе с “однократностью” и/или “результативностью”, аннулируя, зачеркивая эти последние значения, говорящий/пишущий вовсе не должен думать о виде полученного таким образом глагола. Повторюсь, употребление глагола того или другого вида никогда не может быть целью производителя речи.

Однако производитель речи должен непременно помнить о тех ограничениях в устройстве парадигмы и сочетаемости, которыми обладает всякий глагол совершенного вида (см. выше). Поэтому если говорящий/пишущий, развертывая свое сообщение, предполагает говорить о том, что происходит в настоящий момент, или хочет сообщить о регулярной повторяемости соответствующего действия, предупредить о том, что действие, по его мнению, нецелесообразно – во всех этих

случаях следует проверить, не имеет ли дело производитель речи с глаголом совершенного вида, с которым ни одна из этих операций невозможна. Если окажется, что это так, следует каким-то образом изменить вид глагола на несовершенный и смело исполнять задуманное. Разумеется, такое вынужденное формальное преобразование может привести к семантическим потерям. Например, можно сказать *приземлился* (прошрое), *приземлится* (будущее), но только *касание*, *столкновение*, *приземление* о самом моменте наблюдения. (Замечу, что *приземляется* может точно обозначать именно момент приземления лишь в контексте типа *в данное мгновение*, а без подобного контекста сохраняет неопределенность). Можно сказать *Я написал письмо домой. Я делал это каждый день*, но нельзя сказать примерно то же самое в одном предложении. Можно переспросить *Вы хотите посмотреть этот фильм?* и добавить *По-моему, не стоит*, но и этого нельзя делать в одном предложении. Можно сказать *Я каждый день писал письма домой* (с потерей явного указания на результативность) или *Не стоит смотреть этот фильм* (с потерей не очень важной в данном контексте семантической характеристики “один раз”).

\* \* \*

Итак, вклад видов русского глагола в обеспечение рецептивных и продуктивных речевых действий возможно оценить лишь с опорой на семантическое содержание модификационных характеристик глагольного действия (или их отсутствие). Среди таких модификационных характеристик однократность и результативность занимают совершенно особое место. Осмысление собственно аспектологических проблем выступает не как самодовлеющая цель, но как один из факторов для обеспечения понимания предъявленных текстов, а также для создания текстов, не нарушающих языковых норм. Весьма важным моментом в таких действиях является учет относительной самостоятельности сочетаемостных свойств знака, проявляющихся, в частности, в том, что семы далеко не всегда складываются по законам арифметики, где  $1 + 1 = 2$ . Возможно и дублирование сем, и их аннулирование, т.е.  $1 + 1$  может быть  $= 1$ . Апелляция к здравому смыслу и его не выраженным формально моментам позволяет утверждать и возможность того, что  $1 + 1$  может быть  $= 3$ . Традиционное деление русских глаголов на виды, отражая лишь парадигматическое и синтагматическое различия между словами, в решении поставленных задач никак не имеет базовой ценности, но является лишь вторичным фактором, выступая лишь как следствие процесса словообразовательной семантической

модификации, приводящее и к преобразованию свойств языкового знака.

Остается лишь добавить, что в русском языке существует 18 пар глаголов, среди которых около половины весьма частотны, обозначающих перемещение в пространстве (традиционно неудачно широко называемых глаголами движения), к которым высказанные принципиальные соображения абсолютно применимы, хотя и проявляются в этих 18 парах несколько по-особому [13, с. 607–649].

В заключение – рассказ из истории отечественной космонавтики. Когда советские конструкторы проектировали станцию “Луна – 16”, они столкнулись с технической проблемой. На станции была мощная электрическая лампа, которая освещала поверхность над опорами модуля. Лампе нужно было выдержать огромные механические перегрузки. На испытаниях лампы постоянно бились. Слабым местом было соединение цоколя со стеклянной колбой. Никакие усиления этого места не давали эффекта. Нужно было найти другое решение. Стеклянная колба необходима для того, чтобы светящаяся нить накаливания не вступала в контакт с кислородом, т.е. не окислялась, а следовательно, не перегорала. Но на Луне нет кислорода, и от колбы решили отказаться [14, с. 135–136].

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Плунгян В.А.* Введение в грамматическую семантику. Грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011.
2. *Горбова Е.В.* Видовая парность в русском языке: проблемы и решения. Вопросы языкознания. 2011. № 4.
3. *Апресян Ю.Д.* Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М., 1967.
4. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Москва – Вена, 2004.
5. Проспект активного словаря русского языка. М., 2010.
6. *Милославский И.Г.* О соотношении номинативных и синтагматических свойств языкового знака // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1975. № 4
7. Русская грамматика. Том I. М., 1980.
8. *Зализняк Андр. Анат.* Грамматический словарь русского языка. М., 1977.
9. *Милославский И.Г.* Культура речи и русская грамматика. М., 2002.
10. *Гловинская М.Я.* Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола. М., 2001.
11. *Рахилина Е.В., Летучий А.Б.* Начальная фаза грамматикализации значений глагольной множественности в квазиграмматических конструкциях // Славянское языкознание. XV международный съезд славистов. Славянское языкознание. М., 2013.
12. *Амиантова Э.И.* Соотношение семантической и словообразовательной структуры глаголов с приставками (на материале трех групп производящих глаголов). АКД. М., 1980. Авт. реф. дис. ... к.ф.н.
13. *Юдина Л.П.* Система глаголов движения и их функционирование // Книга о грамматике. М., 2004.
14. *Чернышев Д.А.* Как люди думают. М., 2013.